

Отец АГ

Сделать шаг

отрывок из романа

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Отец АГ

Сделать шаг

(отрывок из романа)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40940115

SelfPub; 2019

Аннотация

Почти документальный роман об интересном времени: "лихие" 90-е годы – время музыкальных радиостанций, рок-н-ролла и почти неограниченной свободы. Содержит нецензурную брань.

Содержание

– Здорово, отец!

– О, Костя, здорово!

– Как делища твои, чувак?

– Да все в порядке, вашими молитвами.

– Признаюсь честно, не часто за вас молимся...

Костя – мой старый дачный корефан. Еще в босоногом детстве мы бегали шумной компанией с одних шести соток на другие, делали луки и стрелы, купались в озере и строили шалаши. Мы встречались каждое лето, вместе год от года меняли интересы: первые сигареты, первая совместная бутылка вина, разговоры о первом сексе. Летняя дачная компания оказалась очень сплоченной: мальчики и девочки – мы все перевлюблились друг в друга, перезнакомились с друзьями друг друга и стали почти что братьями-сестрами. Сегодня все наши девчонки вышли замуж и родили детей, а парни подались в бизнес и крутятся, кто как может. И только мы с Костиком отличились: он – музыкант, я – ди-джей на радио. Дачная богема, блин!

– Сам-то как?

– Тоже вроде бы ничего. Как запись наша?

– Хорошая запись. Качественная.

– И какова же будет судьба этой качественной записи?

– Кость, ты же знаешь – сделаю все, что смогу. Я ведь не

один в доме живу, ваша музыка и коллегам моим должна понравиться, и программному директору.

– Это все понятно, мне твоя поддержка важна.

Труднее всего общаться со старыми знакомыми, которые стали музыкантами. А сегодня каждый второй мой ровесник – музыкант. Поет, играет на гитаре, нарезает пластинки на рейвах. Но рейвы – это не наша специализация, к техно мы относимся с плохо скрываемым недоверием. Ди-джеев, плящих винил, считаем халявщиками. Это, конечно, попримитивнее подлой попсы, но все равно где-то за гранью. Однако вернемся к ровесникам-музыкантам.

– Я стараюсь быть объективным. Это не моя музыка, я тебе уже говорил, я такое не слушаю, но все имеет право на существование. До эфира дойдет, не переживай, а уж понравится или нет – тут извини, это уже дело уважаемых радиослушателей...

– Ну, о'кей, главное, чтобы до эфира дошло. За помощь – огромное спасибо!

Почему они все вдруг решили, что могут писать хорошие песни и быть любимы радиослушателями?! В стране происходит черт знает что, а ровесникам моим хочется песни петь. Нет, не всем, конечно: быть бухгалтером, брокером и просто бизнесменом сегодня не менее престижно, чем рок-звездой. Но где еще можно понежиться в лучах славы, теша свое тщеславие? На бирже? В офисе? Да ладно! Сцена – вот тот магнит, который накрепко притягивает к себе молодых, ам-

бициозных и, естественно, глубоко одухотворенных. Но для того, чтобы перед сценой, на которой ты рубишься, собралось хотя бы человек пятьдесят, нужно, чтобы твои песни услышали и полюбили. Тут-то и вступает в свои права радио.

Однако что-то меня понесло – ничего не возвращает к реальности лучше, чем голос старого приятеля:

– На дачу не собираешься?

– Вообще-то подумываю сегодня вечером: Кира гоношит, да и Малыш баньку затопить обещал...

– Во, Кирилле огромный приветнице! Давайте выбирайтесь. Футбол, банька, купнёмся, вечером водочку попьём. Кто-нибудь еще из наших дачных появится?

– Да вроде бы Шурик должен, они с Малышом меня как раз и звали. Ладно, мы с Кирой на его машине подрулим...

– Слушай, вот у меня такая просьба: Лерка моя подружек пригласила, но вместе им поехать не получается – у нас в городе дел полно, только вечером сможем добраться. А девчонкам в городе целый день болтаться не хочется, такая парилка стоит на улице. Может, вы подхватите их, а?

– Нормальный расклад: бабушка дай воды испить, а то так есть хочется, что и ночевать негде...

– Да ладно, у вас заднее сиденье свободное, и сразу три девчонки! Грех отказываться.

Вот чего-чего, а с барышнями у меня полный порядок. С Таней и Юлей бы правильно расписание составить, чтобы вместе их не сводить, – вот задача. Я же говорил уже о по-

клонницах у ворот и плюшевых медведях? Тогда повторяться не буду. Хотя, с другой стороны, и правда – зачем отказываться? Девчонок много не бывает.

– Барышни-то хоть симпатичные?

– Если честно, хрен знает, я только одну знаю. Она Леркина подруга, может, ты и видел её, с Леркой к нам пару раз приходила. Полиной зовут. Две другие вообще незнакомые, это Полинкины институтские подружки, Лерка с ними тусуется. Кстати, она вот говорит – вроде симпатичные.

– Не хотелось бы совсем порожняка гонять – приедем с Кирычем, а там крокодилы какие-нибудь...

– Ну, слушай, тебе, что, с ними совместную жизнь, что ли, строить? Это же всего лишь программа на уикенд. В конце концов, можно просто поговорить, они барышни образованные.

– Из какого хоть института?

– Вот, блин, тебе это так важно, из какого института девиц охмурять?

– Если охмурять с конкретной целью, то, в общем, не важно. Но вот если поговорить... Ты же знаешь, Кира – парень привередливый, ему в разговоре духовная близость нужна.

– Полинка вроде бы в «кульке» учится, значит и подружки оттуда же.

– О, институт культуры, блин! Оттуда у меня еще никого не было. Сколько им лет?

– Второй курс... Думаю, восемнадцать или девятна-

дцать...

– Подходяще. Ладно, дай тогда этой Полине мой рабочий телефон. Мы с Кирой сразу же после моего эфира поедем, заберем твоих девонек, пусть до вашего приезда у нас посидят.

– Зер гут! Тогда жди их звонка, и встретимся на дачке.

– Хорошо, давай, до встречи.

Вешаю трубку, откидываюсь в своем диджейском кресле. Половина смены прошла, впереди рисуется отличный летний субботний денек. Пытаюсь сосредоточиться. Вроде бы все складывается лучше некуда: на неделе я так удачно подменился, что воскресенье полностью свободно. Отрабатываю сегодня, и до среды – вольный ветер. Супер! На даче все равно все веселье заканчивается поправкой субботнего похмелья до середины воскресенья. Это мне, богеме, в понедельник с утра никуда спешить не надо. Остальные – на работу, на работу! Так что сразу после эфира запишу с Кирой программу на завтрашнее утро – текст есть, каверы подобраны – и на дачу. Начался последний месяц лета, каждые выходные на счету. Кстати, надо сказать Кире о наших сегодняшних попутчицах.

Кирилл – мой старинный товарищ. Проверенный временем, совместно употребляемым алкоголем и общими интересами. За шесть лет знакомства мы ни разу не поссорились. Кира утверждает, что это из-за меня. Со мной, мол, невозможно ссориться, потому что я «шпиён». Только «шпиёны»,

по его словам, могут быть такими... толерантными – вот его любимое словцо по отношению ко мне. Это я толерантный, то есть коммуникабельный, обходящий в отношениях острые углы, легкий по жизни, оптимист. А Кира – реалист, поэтому, как положено истинному реалисту, саркастичен и даже слегка циничен. Мы видимся практически каждый день – Кирилл работает на «Радио-1» звукорежиссером. Записывает рекламные ролики, всякие джинглы, отбивки, а также наши нетленки. Ну, программы, то есть. Его скептицизм заставляет нас, авторов, спускаться с небес на землю. «Творцы, блин!» – это его обычная реакция на любую новую затею, мою и моих коллег. Но работать с ним здорово, дело он свое знает. С профессионалами всегда работать хорошо и приятно.

– Кирыч, концепция изменилась: программу будем записывать параллельно моему эфиру, а затем быстренько валим на дачу.

С этими словами захожу в звукорежиссерскую студию. Странное и оригинальное у нашей радиостанции помещение. Даже гордость какая-то появляется за столь необычное решение. Собственно, это и помещением назвать нельзя – обычный большой контейнер. Ну, такой, в котором грузы на кораблях и поездах перевозят. Нет, конечно, у нас есть офис, где заседает руководство, рекламная служба, PR-щики. Там заключаются договора, разрабатывается общая стратегия радио. Туда приезжают американские боссы, для то-

го чтобы походить с важным видом по своей вотчине, раздать персоналу джинсы и футболки – подарки с сиэтлских распродаж, похвалить кого-то или пожурить. Одним словом, осуществить хозяйский контроль.

А мы, работники эфира, размещаемся, как я уже сказал, на территории телебашни: Санкт-Петербург, улица академика Павлова, 3. Справа от входа, за телецентром вагончик наш стоит. То есть, конечно, это контейнер, но мы его зовем вагончиком. Две небольшие комнатки-студии без окон: одна эфирная, другая – монтажная, или монтажка. Между ними – малюсенький предбанник с входной дверью. Все компактно и вполне грамотно оборудовано. Про эфирную студию я уже говорил, повторяться не буду. Из неё, проходя через предбанник, в котором спрятан генератор, дающий электричество в случае экстренного отключения, попадаешь, собственно, в монтажку, где колдуют звукорежиссеры. За спиной у них расположены стеллажи с компакт-дисками, на которых записана инструментальная музыка, а также библиотека звуковых эффектов – от скрипа двери до звука сверхзвукового истребителя. Перед носом у сидящего в кресле звукорежиссера – стойка с аппаратурой, колонки и восьмиканальный цифровой магнитофон «Rolland», последнее чудо техники. Этот «Rolland» – главный рабочий агрегат звукорежей. Почти плоская машинка сантиметров пятьдесят на тридцать с кучей кнопок и маленьким экранчиком. По дорожкам экрана ползают черные прямоугольнички, которые

все на студии называют колбасками. Вот эти-то самые звуковые колбаски звукорежиссеры и сводят в рекламные ролики и авторские программы.

В этом же помещении у дальней стены разместились мини-кухня: кофеварка, электрический чайник, чуть выше – полка с микроволновкой. Рядом на полу стоит большой пластмассовый сундук, похожий на гроб. Сундук закрыт на замок, но ключ от замка лежит около микроволновки. В сундуке хранятся CD, подшивка музыкальных журналов и попкорн, подарок все тех же американцев – полсундука термостойких пакетов с этим продуктом «made in USA». Засунул такой пакет в микроволновку, и через пять минут хрустишь попкорном, чувствуя себя американским тинейджером. Забавные они перцы, наши американцы, – зарплату не повышают, но попкорн берут исправно.

Вот, собственно, и вся наша нехитрая обстановка. Если кто-то представлял себе радио не так – извините. Бананов не завезли, как любит говорить Валериус.

Кира отрывается от «Rolland'a» и слегка отъезжает от стола в своем стуле на колесиках.

– А чего вдруг такая спешка?

Кирыч совсем недавно приехал на работу. Он терпеть не может вставать рано утром, но рекламодателю приспичило послушать свой ролик именно в субботу утром, чтобы с воскресенья его уже можно было крутить в эфире. Для Кирилла такой расклад – как серпом по... сами знаете по чему, но

делать нечего, приходится работать.

– Костик звонил. Сегодня на даче все наши собираются.

– Это круто, только спешить-то куда? Мне еще этим му-дилам-рекламодателям ролик показать надо. А для этого его надо доделать. Потом программу твою записать и свести. Да и домой заехать не помешает. У меня даже плавок и полотенца нет.

– Ну, полотенце я тебе на даче выдам. Плавки запасные у меня там тоже есть. В конце концов, голым искупаешься. Все равно раньше позднего вечера не выберемся. Да и пьяные наверняка будем. В таком состоянии какая разница – все же свои.

– Нет уж, знаю я этих своих! В прошлый раз купался голым – всю одежду спрятали, юмористы. До дачи перся, прикрываясь кроссовками. Спасибо, что хоть кроссовки оставили. И ведь тоже свои, и тоже пьяные.

– Кир, в этот раз я лично прослежу, чтобы без инцидентов. Просто времени терять не хочется. И потом... Костик нам трех попутчиц сосватал.

– В смысле?

– Ну, там Леркины подруги выразили желание съездить. А Костя с Леркой только вечером смогут подъехать. Вот и попросили захватить девонек.

– Значит, барышни будут новые? А я опять просто водитель?

– Да ладно, о чем ты говоришь, ты супер-водитель су-

пер-машины! Тебе первому предоставляется право выбора. Я буду довольствоваться тем, что останется. Доделывай быстро ролик, у меня все готово, начитаю быстро, раз-два и все, дело сделано.

– Какой ты быстрый, однако, – Кира ворчит, но я-то знаю – так для порядка. – Раз-два сляпал и готово. Это же процесс!

Педантичность и дотошность – еще пара черт характера Кирилла, которые меня раздражают и восхищают одновременно. Мне всегда не терпится поскорее конечный результат получить, то есть готовую программу. А Кирыч полчаса над одним миксом биться может. Не нравится ему, видишь ли, как песня в подкладку переходит. Я уже пару сигарет выкурю, пакет этого дурацкого попкорна съем, а он все колдует за «Rolland'ом». Железной воли человек: «Подожди, видишь, по битам не совпадает». Ди-джей, Мазер Факер! Но к конечному продукту не придраться, еще раз говорю – профессионал.

– Кир, может, не будем затягивать, а? Девчонки должны позвонить в течение часа. Я договорюсь на Финбане¹, оттуда удобнее ехать. Давай я не буду тебя доставать, а начитаю текст, и ты тихо-мирно будешь себе дрочиться с «Rolland'ом» до конца моей смены...

– Я здесь работаю, а дрочу в свободное от работы время!

– Сегодня у тебя будет шанс отойти от рутины...

– С таким орлом пластмассовым отойдешь, пожалуй, –

¹ Финбан – Финляндский вокзал в Санкт-Петербурге.

быстренько все лучшее приберешь. И потом, мне же душевность нужна, как без души можно трахать живого человека?

В дополнение ко всем перечисленным качествам и чертам характера Кира – еще и романтик. Не без цинизма, как я уже говорил, но романтик. Это свойство нас тоже сближает. Я ведь, в принципе, такой же. Бахвальство – это так, защитная реакция на происки окружающего мира.

– Ладно, на месте разберемся, мы еще девчонок не видели. Может, только о культуре и будем беседовать.

– Почему о культуре?

– Они из «культка».

– Да? Может, хотя бы разговор сложится.

– Ну, так что, я скажу что-нибудь дорогим радиослушателям и прихожу с текстом?

– Давай, писатель хренов. Но домой мы все равно заедем, надо же еды какой-нибудь взять.

Кира снова склоняется над «Rolland'ом». Уходя, слышу вслед:

– Творцы, блин!

Сейчас половина третьего. Мы уже успели заскочить по домам собрать все самое необходимое и подъехали к Финбану минут пять назад. Кира припарковался прямо напротив входа на вокзал. Достаю пачку «Vond'a», закуриваем. Кира ворчит:

– Небось, опоздают еще.

– Кир, девушкам положено опаздывать. Но Полина сказа-

ла, что они постараются приехать вовремя.

– Знаю я их вовремя: полчаса – нормальная скидка.

– Да ладно, мы, что, торопимся? Считай, это свиданием вслепую. Причем у нас преимущество – нас двое против их троих...

– У нас было бы преимущество – двое на двое: мы с тобой против купленных «Амаретто» и водки.

– Блин, ты же не алкоголик!

– Правильно, поэтому раз уж мы решили в кои-то веки расслабиться, то лишние рты ни к чему.

– Во-первых, на даче еще народ будет. Во-вторых, это не рты, это барышни. Еще раз повторяю: у Полины по телефону очень милый голос.

– Все они милые. По телефону.

Кира ворчит больше для понта. Ему самому хочется наконец-то увидеть наших спутниц. После звонка Полины я сказал ему, что у девушки приятный голос, и Кира напомнил мне о праве первого выбора.

– Не вопрос – договоренность в силе.

У вокзала людно. Суетятся дачники, на ступеньках канючат попрошайки, вдоль стены между входом в метро и дверями вокзала на маленьких столиках разложили свой товар и лихо торгуют продавцы газет и журналов. Заголовки бьют по глазам: «Маньяк из Кемерово настиг свою десятую жертву», «Клаудия Шифер напилась в московском клубе» – просто бум какой-то на этих топ-моделек, модельеров и, про-

сти господи за неприличное слово, бутики. И, конечно же, на все лады прикладываются к главной сенсации сезона – свадьбе Аллы Борисовны и Филиппа Бедросовича². От этого просто никуда не деться: фотки счастливых молодоженов на первых полосах во весь рост и крупно, а из киосков звукозаписи и с «дружественных» нам радиостанций – песенка Киркорова про «его зайку» и про то, что «я ночами плохо сплю...». Самая народная песня, блин, какой тут «Radiohead» или «Offspring», когда такие артисты законным браком сочетаются.

Впритык к столикам торговцев актуальной периодикой расположились продавцы книг. Их обычно даже больше, чем газетчиков: днем здесь маленькая книжная ярмарка – как-никак самая читающая страна! Продавцы часов в семь утра приходят на склад рядом с вокзалом. Это подвал с правой стороны от вокзального здания во дворе. Продавцы нагружают тележку книгами, сверху кладут разборный столик и толкают все это добро к своей точке. Точка – месторасположение стола – строго фиксируется, занять чужое, пусть и более выгодное место, значит нарваться на конфликт. Принцип «кто первым встал, того и тапки» не действует, места четко поделены. Ну а дальше стоишь себе, торгуешь. Рабочий день часов до восьми или как тяга есть. Если покупатель прет, можешь и задержаться. Чтобы сходить отлить, просишь со-

² Алла Борисовна Пугачёва и Филипп Бедросович Киркоров – российские поп-звезды.

седа присмотреть за своим добром. Продавец продавцу – друг: через полчаса сосед тоже в туалет захочет. Ну и надо в книгах, конечно, ориентироваться: сомневающимся подробно рассказать, незнающим – втюхать какую-нибудь популярную литературу. Работа, конечно, не сахар, но зарплата, между прочим, очень даже – они за неделю мои месячные деньги зарабатывают! Откуда я так хорошо осведомлен? Так пробовал себя в этом бизнесе. Но не спрашивайте, почему не остался при такой зарплате, думаю, разницу между продавцом и ди-джеем объяснять не надо. И деньги здесь вообще не аргумент.

Рядом с нашим стареньким «Москвичом» постоянно меняются машины. Кто-то бомбит, зарабатывая подвозом спешащих на электричку дачников, кто-то закупает алкоголь и курево и дальше по делам. Мы уже затарились: популярные ныне сигареты «Магна» и «Бонд», бутылка ликера «Амаретто» и литровый «Распутин» – бородатый старец подмигивает нам одним глазом с водочной этикетки. В принципе, шанс отравиться этими чудо-напитками велик, вполне возможно, их катали в ближайшем подвале. Но мы свели риск к минимуму: мой приятель, как раз продавец книжек, подсказал, в каком ларьке лучше купить, и отрекомендовал нас ларечнику как своих друганов. Ларечник за товар поручился головой, но мы на всякий случай предупредили, что, если хотя бы один из нас выживет, мы к нему наведаемся. «Не ссыте, парни, сам пью то же самое!» – таков был ответ.

– Это не они?

Кира указывает на остановившихся невдалеке девушек. Они явно кого-то высматривают. Одна повыше, две другие одного роста.

– Пойду поинтересуюсь.

Выхожу из машины и направляюсь к девчонкам:

– Добрый вечер! Вы случайно не нас ждете?

Та, что повыше поворачивается мне навстречу. Худенькая, в шортах, футболке и кедах. За спиной небольшой рюкзачок. Черные волосы, короткая стрижка. Чувствуется стиль. И еще минимум косметики – это плюс.

– Если вы друг Леры и Кости, то вас. Я Полина.

– Добро пожаловать в наш автомобиль!

Направляюсь к машине, барышни идут следом. Кира вылез из машины и стоит, опершись на дверь.

– Это мой друг Кирилл, а это Полина.

Кирыч галантно кланяется. Я поворачиваюсь к девушкам:

– Думаю, стоит продолжить знакомство.

– Это мои подруги – Аня и Оксана.

Мы с Кирой переглядываемся, слегка охреневшие. Девушки похожи как две капли воды, как два сапога пара, как... Короче – двойняшки. Близняшки. Как там еще такое называется?

Я представляюсь, Кира вслед за мной. Открываю перед девушками дверь машины, они забираются на заднее сиденье.

– Ты запомнил, кто из них кто? – спрашиваю поверх машины, захлопнув дверь.

– Высокая – точно Полина!

– Это я и без тебя знаю! Кто Аня, кто Оксана?

– Бессмысленно, они все равно перепутались, когда забирались в машину.

– Ладно, сориентируемся по обстановке.

Кира садится за руль, я плюхаюсь в кресло рядом. Кириша пытается рассмотреть барышень в зеркало заднего вида. У меня такой возможности нет – зеркало настроено под водителя.

– Вам удобно, девчонки?

– Да, спасибо, все в порядке. Мы малогабаритные.

Говорит Полина, близняшки молчат. Кира отрывает взгляд от зеркала, включает зажигание, дает задний ход. Бросает взгляд на меня, выразительно кивает, слегка улыбаясь. Что это означает – хоть убей, не понимаю, но большего дожидаться не удается.

Через площадь выезжаем на набережную. Первое время едем молча. Понимаю, что разговор начинать мне – все ж таки я являюсь посредником между барышнями и моими дачными друзьями.

– Лера учится вместе с вами?

– Нет, просто познакомились в одной общей компании.

Разговор не клеится. Не получается у меня вот так, с ходу завязать непринужденную беседу с новыми знакомыми.

Особенно девушками. Для этого кураж нужен, а у меня сейчас как раз полное его отсутствие. Кира смотрит на меня уничтожающим взглядом и берет инициативу на себя:

– Занятное у вас учебное заведение – пять лет учат быть культурными. Выпускают дипломированных культурных специалистов. Вы на каком курсе?

– На второй перешли.

– М-да, до полной культуры еще далековато...

– Мы стараемся, – Полина лаконична. – Самообразование, знаете ли...

– Самообразование – это хорошо, – Кирилл одобряюще кивает головой. – Только это и спасает. Я-то вообще человек технический, какая уж тут культура. Мне высоким слогом блистать не обязательно. Это вот деятели прямого эфира класс должны показывать, они у нас культуру в массы несут. Книжки читают, периодику, «Rolling Stone» на языке Джона Леннона и Лу Рида. Скажи нам что-нибудь по-английски.

И пристально смотрит на меня.

– Да я по-русски-то плохо говорю...

Блин, убил бы его! Терпеть не могу этого: «Ну, давай, ди-джей, скажи-ка нам что-нибудь эдакое!» Девиц надо подцепить – «Давай, подкати оригинально, ты ж ди-джей!» Первый тост на пьянке – «Давай, ди-джей, выдай-ка нам!» Свежий анекдот, остроумную шутку, да просто плети чего-нибудь складно и долго. Настоящая певчая птица поет по воле сердца, а не по заказу окружающих. Но попробуй это объяс-

ни.

– Покорнейше прошу прощения, что слабо участвую в беседе, но четыре часа эфира реально утомили. Да еще вот коллега руку приложил: программу два часа записывали...

– Ничего себе, – Кира так и взвился. – Читать, блин, надо уметь! Свой же текст прочесть не можешь, а виноват звуко-режиссер, конечно! Вот так всегда: почет и уважение ему, а претензии – это ко мне.

– А что за программа?

Оборачиваюсь. Аня спросила или Оксана? Игнорируя Кирино ворчание, оборачиваюсь назад:

– Я всякие прикольные перепевки беру и нахожу древние оригиналы, а потом включаю то и другое...

– Да, а я все эту хрень записываю, а потом меня же попрекают, – Кира никак не может успокоиться.

– Интересно?

Попробуй разбери – Аня или Оксана? Зато появилась возможность рассмотреть: смуглые, правильные тонкие черты лица, длинные, вьющиеся черные волосы. Симпатичные девочки. Научиться бы еще отличать их...

– Мне интересно – эдакое архивирование музыки.

– А у тебя журналистское образование?

– Нет, мы люди технические, как сказал Кирилл...

– Технические! – Кира воспользовался упоминанием своего имени и вклинивается в разговор. – Да я бы его близко к технике не подпускал. Он вообще взрыватель...

– В смысле?

– Я закончил Военмех. Вообще-то, в дипломе у меня написано, что по специальности я инженер-электроник...

– Ага, электроник – мальчик из чемодана! Да куда ж ты... – Кирыч лихо увернулся от подрезавшей его старенькой иномарки и продолжил как ни в чем ни бывало:

– Взрыватель он, типичный взрыватель. Секретности у них в институте всякие. Да с его специальностью сейчас работы невпроворот – каждый день кто-нибудь кого-нибудь взорвать хочет. Только с таким специалистом быстрее сам взлетишь на воздух. Вот и приходится глупостями всяческими заниматься.

Похоже, Полину рассказ Кирюши заинтриговал:

– Неожиданная смена профессии. И почему вдруг так?

– Исключительно по зову души. Вот вы музыку любите?

Есть несколько способов проверить, твоего ли круга человек. Один из них – узнать о его увлечениях. Если он спит и видит себя в малиновом пиджаке за рулем «Мерседеса» – до свидания! Если играет в шахматы и ходит в походы – куда ни шло, можно найти точки пересечения. Ну а если вы слушаете похожую музыку, читаете одни и те же книги и смотрите фильмы одного режиссера, то вас свело само провидение. В нашем случае, по крайней мере, так.

– Нам рокабилли нравится. В Питере есть такая группа «Stunning Jive Sweets» – вот она очень прикольная! Знаете такую? – Полина, похоже, тоже проверяет схожесть интере-

сов.

Знаю ли я группу Дана Шувалова? Еще бы! Дан – старый чемодан, он же коллега-конкурент с дружественного нам радио «Балтика». Успешный ди-джей да еще и музыкант. Во мне просыпается легкое чувство ревности.

– Приличная группа. И программы у Дана неплохие. Но у нас, к примеру, «Найт буги» ничем не хуже.

– Да? Она тоже об этой музыке? Никогда не слышала.

Мы с Кирой переглядываемся. Задета профессиональная честь.

– А вы вообще нашу радиостанцию слышали?

– У вас хорошее радио, – говорит одна из близняшек. – Только перебор тяжелой музыки и гранжа. Нам это не очень... Но все равно классной музыки много. А программу обязательно послушаем. Когда она идет?

– Вечером по воскресеньям. Там весь срез старого доброго рок-н-ролла от Элвиса до «Stray Cats».

– О, Элвис супер! И «Stray Cats» тоже!

Понимание восстановлено. Конечно, девчонки требуют просвещения, но основа правильная – сойдемся. Разговор плавно переходит на литературу. Кира время от времени поглядывает на барышень в зеркало заднего вида. Когда Полина говорит, что ее любимая книга – «Мастер и Маргарита», я понимаю, что, по крайней мере, собеседника Кирыч себе нашел. За все оставшееся время поездки до дачи и я, и двойняшки смогли вставить только несколько общих фраз – об-

щались в основном Кирыуша с Полиной. Когда мы припарковались возле моего домика в садоводстве и девушки вышли, Кирилл чуть задержал меня:

– Наш уговор по-прежнему в силе?

– Конечно.

– Тогда я выбираю Полину.

– Да уж догадался!

– Ты против?

– С чего ты взял? Прекрасный выбор! Я вот думаю, как мне быть...

– М-да... У тебя, конечно, положение сложное. С другой стороны, всегда сможешь сказать, что ошибся, если что-то не понравится. Типа, я думал, что вы – это ваша сестра...

– Да я так вообще запутаюсь, кто есть кто.

– Слушай, чего ты паришься, бери обеих – конкуренции никакой! А там с какой сложится. А чего, записать в актив близняшек – достойное окончание выходных, хе-хе...

– Иди ты... Ладно, время покажет.

Приехать на дачу на пару дней – одно удовольствие. За неделю я, наверное, помер бы здесь от скуки, а так все радости жизни по плотному графику. Мы как раз прибыли вовремя: выгрузили вещи и алкоголь, наскоро попили чайку и, когда наши дачные мужчинки собрались играть в футбол, пошли на спортбазу по соседству.

Эх, как нам было весело в этих краях лет пять назад! Ну, посудите сами: ближайший ленинградский пригород –

двадцать минут на электричке с Финляндского вокзала или столько же на автобусе от метро «Ладожская», два озера на расстоянии трехсот метров друг от друга, зеленые поля, лес. Красота! Собственно, поэтому-то и понастроили здесь в советские времена пионерлагерей, спортивных баз да санаториев-профилакториев всеразличных. Бывало, на озеро приедешь оттянуться-покупаться, а весь пляж малышня в пионерских галстуках заполонила. Бесили они, конечно, но зато, с другой стороны, вечером к ним в лагерь на дискотеку можно было пролезть, со старшеклассницами в танце потискаться. Ну и подраться, если необходимость возникала: нас же там за местных принимали, а не схлестнуться с местными после дискотеки – зря вечер потерять. Лагерьей этих пионерских вокруг немеряно, просто зона детского отдыха, да и только. Так что сегодня в одном месте покуролесили, завтра – в другом, а через день уже новые пионеры ожидают.

Ну и на спортбазы наведывались, конечно. Тут тебе и теннисные столы, и футбольное поле. Через дырку в заборе просочился, и все, ты отдыхающий, никаких вопросов – играй в свой теннис, сколько заблагорассудится, или гоняй в футбол.

Все изменилось с началом перестройки. Как-то резко вдруг всем до фонаря стал этот отдых трудящихся и их подрастающего поколения – пионеров почти не возят, отдыхающих от заводов не направляют. И хотя теннисные столы под навесом остались, поле футбольное по-прежнему обозначено и даже ворота стоят – поржавевшие, правда, уже и сетку

сперли давно, но играть можно – никто за все этим добром теперь толком не следит. Мы, конечно, сами повзрослели, и дел у нас стало по горло, не до игр особенно. Но все же выбираемся иногда мячик погонять против какой-нибудь команды из местных пацанов, ошивающихся на той же базе. Нам, положа руку на сердце, отсутствие всех этих левых отдыхающих только в радость, но иногда волей-неволей задумаешься: а чего так пустынно-то, как будто вымерла вся округа? Пионерам бы жить здесь да радоваться, а также трудовому народу поправлять здоровье спортом или водочкой с шашлыком на свежем воздухе. А то реально кажется, что ты где-то в Припяти³, а не в двадцати километрах от Питера.

Кирыч терпеть футбол не может, но в этой ситуации у него не было выбора – для полного комплекта нам как раз не хватало одного человека. На все его стенания, что, мол, ненавидит бегать и считает полным идиотизмом игру, в которой здоровенные мужики бегают за одним мячом, ответ был жестким: не можешь бегать – вставай на ворота, но играть обязан. Кира, конечно, халявил и больше кокетничал с Полиной и двойняшками, расположившимися на скамейке около ворот. Но пару раз отбил мяч, и даже один раз упал. После игры он демонстрировал Полине ссадины, рассказывая о том, на что только ни пойдешь ради настоящей мужской дружбы. А потом мы всей компанией ломанулись на

³ Припять – небольшой город рядом с Чернобыльской АС, где произошла авария в 1986-м году.

озеро купаться.

Лето, надо сказать, в этом году выдалось дико жарким. То ли природа постаралась, то ли, как говорили злые языки, по указанию нашего мэра к Играм Доброй Воли, проходящим в Петербурге, действительно разгоняли облака. Мэру ли спасибо, или природе, но температура с середины июля держится около тридцати, и каждый день на небе ни облачка. Сидеть в такую погоду в городе – самоубийство.

На озере народу как грязи. Шагу ни ступить – или споткнешься об кого-нибудь, или на чье-нибудь полотенце наступишь. Так что долго мы там не задерживались – искупались и домой. Девчонки, сославшись на то, что не захватили купальники, просто потоптались у воды, ну а мы с Кирой оттянулись. Оценить наших новых подруг в купальниках не получилось, но впереди была банька, так что мы решили, что до ночи еще успеем разглядеть достоинства и недостатки спутниц.

Малыш объявил, что баня назначается на восемь вечера. В ожидании мы коротали время за «тысячей». Резались вчетвером, одна из сестер отказалась и просто наблюдала за игрой. Я пока так и не научился их различать: кто Аня, кто Оксана?

К семи в наш домик завалился Костик с Леркой, и девчонки засобирались. Договорились встретиться прямо в бане у Малыша.

– Ну что, с Полиной срастается?

Возвращаясь с озера, Кира просто вился около новой знакомой, пытаясь произвести впечатление.

– Хорошая девушка, мы говорим на одном языке. Даже не знаю, как быть... У нас столько тем, которые хочется обсудить. Жаль будет тратить время на банальный секс.

– Так разговаривай, в чем проблема?

– Проблема в том, что трахнуть хочется!

– Так трахнись, раз все складывается...

– И что?! Ты животное: еще раз говорю, а как же родство душ?

У Кирилла свои проблемы, у меня свои. Аня или Оксана? Оксана или Аня? И вообще: кто из них кто?!

В баньке первыми парились девчонки, потом парни. В перерывах вместе пили водку с «Амаретто» в предбаннике. У наших барышень оказались с собой простыни: они захватили постельное белье для ночевки на Костиной даче, вот и пригодилось. Простыни свисали балахонами, попробуй разгляди, что там под ними. И все же мне удалось понять, что у одной из сестер грудь побольше. На нее – сестру и грудь – я и решил ориентироваться.

«Амаретто» ушел быстро, а вот водки оказалось много. Когда часам к одиннадцати мы решили перебраться в Костин домик, то еще не уничтожили и половину запаса. Позвякивая бутылками и горланя песни, наша шумная компания вывалила на дорожку между садоводческими домиками. Первыми шли Костя с Лерой, за ними – двойняшки. «Эх,

ель, что за ель, что за шишечки на ней», – орали мы с Кирычем с двух сторон в уши Полине песню группы «НОМ», следуя за сестрами. За нами Малыш с Ленкой и Шурик негромко перетирали что-то свое дачное.

Кстати, пора познакомить вас с остальной нашей компанией. О Косте я уже говорил, Лера – его боевая подруга. Какой может быть подруга рок-музыканта? Правильно, такой же оторвой, как и он сам. Так что смотрятся они вполне гармонично. Теперь пара слов о замыкающих нашу веселую процессию.

Шурик – еще один мой давний дачный корешок. С ним и с Костей мы знакомы уже... и не сосчитать сколько. Он как раз одним из первых в нашем дачном братстве стал заниматься собственным бизнесом. Сперва, как и положено было году в 91-м, посидел в ларьке ночным продавцом. Но потом надоело ему, что каждый третий идиот норовит перед носом ножичком или стволком помахать за-ради бутылки «Рояля» в долг, и Шура стал сам темы нащупывать. Разное, конечно, за эти три года с его бизнесом происходило – да что говорить, лихое время пережили! Но сейчас Санек крепко на ногах стоит: и дело спорится, и женился, и сына родил.

Теперь Малыш. Малыш – это мой брат. Разница в возрасте у нас два года: я старший, он младший. Собственно, поэтому и Малыш. Это прозвище я дал братцу лет пятнадцать назад, и за последующее время оно приклеилось к нему намертво. Даже собственные одноклассники редко

вспоминают, что он Стас, и называют Малышом. Брат в отличие от меня – образец правильного построения собственной жизни: Ленка – красивая умная жена из нашей же дачной компании, очаровательная дочурка, хорошая работа, приличная тачка и в недалеком будущем собственная трехкомнатная хата, практически полностью построенная на лично заработанные деньги. Какой же это бизнес, спросите? Точно не знаю – что-то связанное с контейнерными перевозками. Когда он ко мне на радио первый раз приехал, я сделал ему короткую экскурсию по нашему вагончику. «Хорошая радиостанция, – резюмировал Малыш, когда мы вышли на улицу покурить. – Надумаете переезжать или обанкротитесь, дай мне знать, поговорим насчет контейнера». Вот она, деловая хватка! Уверенность в себе и защищенные тылы. И все это в двадцать три года.

А я? Живу с родителями. Ну как живу – прихожу переночевать. Зарплата хоть и хорошая, но... маленькая. Зато тусуюсь ночи напролет. И на дачу, где Малыш с Шуриком проводят лето семьями, я заезжаю с друзьями попить алкоголя и оторваться с девчонками. Проходишь мимо братского участка, а там уже сынок Шурика с малышовской дочкой играют. Они же почти ровесники: сколько сейчас моей племяннице?.. Если день рождения у нее в сентябре... или в октябре? М-да, хреновый я дядька: плюшевого медвежонка, полученного от поклонницы, передаришь – и ладно...

Впрочем, чего нахлобучивать себя душевными угрызени-

ями? У меня своя жизнь, и она мне нравится! Именно ради такой жизни я отказался от высокооплачиваемой, но скучной работы. А отсутствие семейных радостей – это плата за личную свободу, которую я ценю превыше всего. И считаю, что плата эта вполне умеренная. А что касается общественного статуса, то может ли хоть кто-нибудь из моих друзей детства похвастаться тем, что у него брали автограф? А на встречах ди-джеев нашей радиостанции со слушателями ко мне за росписью сотни выстраиваются. Ну, пусть не сотни, а пара десятков – это как, по-вашему, глупости? А фотографироваться с вами когда-нибудь кто-нибудь хотел? И не потому что дальний родственник, приехал из Караганды, десять лет не виделись и еще столько же не увидите после, поэтому фото на долгую память надо троюродной бабушке показать, потому как помрет и не увидит, каким её дальний-предальний внучок вымахал. Нет, не поэтому, а потому, что в школе или в институте эту фотку можно будет друзьям-подругам показать и заявить важно: «Да это мы просто с ним фестивалили в выходные. Ну, знаете, этот ди-джей с «Радио-1». И друзья-подруги завистливо и с уважением закивают – вот, блин, повезло, с Самим довелось зажигать! Когда я братцу подарил на день рождения подборку компашек «ДДТ», и на каждом личные пожелания Шевчука ему, Станиславу, Малыш с гордостью демонстрировал этот подарок своим друзьям. И был он не менее ценен, чем хорошие швейцарские часы. Если не более, потому что на вопрос, ка-

ким это ты боком с самим Шевчуком знаком, Малыш делал важное лицо и небрежно сообщал: «Да у меня же брат – ди-джей, они большие друзья-приятели». И сам как бы автоматически друганом Юрия Юлианыча становился. А про меня и речи нет – полный авторитет. И какая разница, что я Шевчука на тот момент только второй раз видел и смотрел на него, как те школьники-студенты смотрели на меня, известного ди-джея? Мелкое это дело, понимаю, но кому простое человеческое чуждо?

– Эх, ель, что за ель, производство – наша цель! Производство – наша цель, производство – наша цель, наша цель!

Полина, похоже, уже оглохла от наших воплей.

– Мальчики, какие вы эмоциональные!

– Полина, – Кира приобнимает девушку за талию, – мои эмоции – это результат сегодняшнего нашего знакомства. Вот он просто горлопанит, а я пытаюсь высказать свои чувства. Напрасно вы скептически улыбаетесь, это вполне серьезно! Хотите, я опущусь на колени?

Компания впереди дружно оборачивается на эти слова, при этом одна из двойняшек оступившись и застонав, приседает на траву у дорожки.

– Оксана, что случилось? – сестра испуганно наклоняется к ней.

Мы с Полиной одновременно срываемся к близняшкам. Кирыч, лишившись опоры, делает пару неуверенных шагов и заваливается в чью-то смородину. К нему, в свою очередь,

спешат Шурик и Малыш.

– Похоже, мои чувства остались неразделенными, – ворчит Кира, с помощью брата и Шурика вылезая из кустов.

– Не оставляй надежду, Кирилл, – ободряет его Лена. – По-моему, сегодня твой день.

– Думаешь? – Кира скептически смотрит вперед, где в темноте остальные участники нашей веселой компании окружили сестер.

– Просто ногу подвернула, – сообщает пострадавшая, потирая голень.

– Попробуй встать.

Полина все-таки заводила в этой троице.

– Давай я тебе помогу, Оксанка! – Аня подхватывает сестру под мышки. Ну, теперь хотя бы снимется вопрос с именами: хромающая – точно Оксана.

– Все в порядке, – сообщает девушка, поднявшись. – Похромаю немного, и все.

Она пытается улыбнуться. Эта улыбка не адресована кому-то конкретно. Просто улыбка. Немного виноватая: типа, простите, что заставила вас волноваться. И вот в этой её улыбке... Не знаю, как передать... В общем что-то было. Заметил ли это кто-нибудь другой из нашей компании или нет, не суть. Скорее всего, не заметили, в общей пьяной суете не до того было. А я вот заметил. Заметил и оценил.

На даче у Костика не особенно развернешься. Если у тебя участок шесть соток, настоящую ферму на нем не постро-

ишь. А родителям нашим в пору строительства хотелось еще и садом-огородом обзавестись. Ну, там, чтобы картошечка своя, огурцы-помидоры в парниках, клубника-крыжовник. На самом деле все эти посадки-высадки были больше похожи на какой-то нетрадиционный вид спорта: по весне всего сажается, в принципе, столько же, сколько собирается осенью, но зато суеты и запарок вокруг этого огорода немеряно. Причем, ладно бы родаки все эти соцсоревнования сами себе организовывали. Так нет, они нас всю дорогу привлечь стремятся. Поэтому-то я и не езжу на фазенду, когда там родичи – вмиг к полезному труду приобщат, а оно мне надо? Время сейчас, конечно, не ахти какое хлебное, в магазинах шаром покати, и собственные посадки выручают, но не такой же ценой, не вместо заслуженного отдыха! Родителям это в кайф, похоже, прёт их от сельского хозяйства – так они любовно клубнику пропальывают да картошку окучивают. Вроде городские жители, а туда же, ближе к земле тянет. Не, мне больше по нраву урбанистический вид, как пел Майк⁴.

Так вот, касаемо наших пригородных дворцов: все эти садоводческие домики при различии стройматериалов и фантазии доморощенных дизайнеров интерьеров сводились к одной-двум небольшим комнаткам и веранде. Про кухню я вообще не говорю: там с трудом один человек может развернуться, она с туалет размером, только вместо дыры в полу плита газовая располагается. У Костика совсем не разгуля-

⁴ Михаил «Майк» Науменко – лидер группы «Зоопарк».

ешься – одна комната с печкой-буржуйкой у окна и веранда с диваном. Если не сидишь на диване, то, в общем, на веранде тебе и делать нечего, больше места там нет. Поэтому все мы набились в комнату, а веранду по умолчанию оставили тем, кто, ежели настанет момент такой, захочет уединиться.

Комнаты в этих дачных домиках – особый разговор. Как правило, несмотря на то, что, как я уже сказал, они маленькие, так их еще всегда стараются набить мебелью под завязку. Ну чтобы все было! И вот на этих шести квадратных метрах помещаются большой шкаф и небольшой буфет вдоль одной стены, диваны и кровати вдоль трех других (тут кому что больше нравится: у Костика два дивана и кровать, но возможны варианты), а по центру еще ухитряются стол обеденный втиснуть. Ну а уж полочки, бра всякие и прочую подобную дребедень развешивают там, где остается место, чтобы закрыть страшные выцветшие обои, оставшиеся от ремонта квартиры десять лет назад и пущенные на дачные стены в целях экономии. Вы думаете только у Костика так? Да в любой домик любого садоводства загляни – одна и та же картина за исключением нюансов, касающихся собственного вкуса. Но вкус – дело такое... Темное, в общем, дело и очень индивидуальное.

Что-то отвлекся я – о нас-то поинтереснее рассказывать, чем о садовом строительстве. А мы тем временем выставляем все запасы алкоголя и остатки закуски на стол и, рассевшись вокруг на диванах-кроватях, продолжаем вечеринку.

Веселье уже приняло крайне хаотичный характер: компания разбивается на небольшие группы, и группы эти периодически меняются составом. Малыш с Шуриком обсуждают автомобили, Кирыч охмуряет Полину беседами о чем-то высоком, рядом Лера болтает с двойняшками и к ним присоединяется Лена. Все разговаривают, перебивая друг друга, и объединяются вместе только для того, чтобы выпить.

– Я вот «Ауди» взял родную, немецкую. Она семьдесят пять тысяч верст уже откатала, больше пяти лет ей, а состояние отличное. Это потому, что не по нашим колдобинам, а по автобанам в Германше. Никаких проблем – масло меняю только да бензин лью, – Малыш расписывает прелести своего автомобиля, Шурик с пьяной серьезностью кивает.

– Полина, вы не поверите, насколько пуст мир вокруг меня, – лицо Кирилла приобретает скорбное выражение.

– Мы снова на «вы»?

– Мне сложно опускаться до банального тыканья девушке, с которой можно говорить о высоком. Ведь пойми, я совершенно один среди всего этого моря людей. Все эти как бы творцы – мелкие бездуховные людишки. Они не понимают главного...

– И что же главное?

– А хрен его знает! Я тоже не понимаю, но в том-то и дело, что не понимаем мы это главное по-разному. Вот с вами я чувствую некую связь...

– Так мы все же на «вы» или на «ты»?

– Это так важно? На мой взгляд, главное – возникшая между нами связь...

– И что же это за связь?

– Пока я чувствую духовную, но ситуацию легко можно изменить...

Ну а мне приходится вести разговоры о судьбах рок-музыки – Костику удалось втянуть меня в бессмысленный и беспощадный спор:

– ...Вот Оззи Осборн, он, что, может, по-твоему, устареть? – Костик воткнул в большой переносной магнитофон кассету, и оттуда загремела «No More Tears».

– Да не то что может, он уже устарел. Кость, эта музыка осталась в 70-х, ну частично, вот этими сольниками, в 80-х, но сегодня-то 90-е! Хард-рок скончался и разложился. Ты не заметил? Все эти запыленные архаичные, длинные завитые волосы – на свалку. Слушай, время гранжа уже к концу подходит. Ты вообще в курсе, что «Nirvana» «Nevermind» записала три года назад, а в апреле Кобейн себе башню из ружья разнес?

– Да это все модернизированный хард-рок...

– Ты охренел?! Какой хард-рок – и рядом его нет! Ты интервью почитай с тем же Кобейном, Веддером, Корнеллом. Панк-рок и альтернатива американская – вот что они называют предтечей гранжа. «Sonic Youth» и «Pixies», а уж никак не «Deep Purple». Я тоже, например, вырос с песней «Smoke On The Water» в сердце, но мне и в голову не придет ставить ее в горячую ротацию у себя на радио. Сегодня время совсем

другой музыки: «Faith No More» – уже классика, а твои ку-миры все равно, что Элвис, – где-то там, за гранью времен.

– Слушай, сколько было этих однодневок, а вот Озборн да Ковердейл по-прежнему в строю...

– ...Ага, живых мертвецов, занимающихся музыкальным бизнесом. Вместе с этими мудаками от «Soft metal». Ты мне еще про «Poison» или «Mötley Crüe» расскажи! В твоей же любимой Англии давно уже «Blur» в хит-парадах, а не «Вхите Снаке». Ты про брит-поп что-нибудь слышал?

– Поп он поп и есть, и место ему там же – в попе, – вот ведь как каламбурит, наверно, спьяну думает, что это очень остроумно, блин! – А про «WhiteSnake» зря ты так: «Fool For Your Loving No More» не вылезала, между прочим, из хит-парадов...

– Год какой был, Костян, блин, год какой?

– Господа! – Кира неуверенно поднимается с дивана с рюмкой в руках.

– Какие-такие господа, Кирюша? – Малыш прерывает разговор с Шуриком.

– Подожди, Стас, не перебивай меня, я хочу произнести несколько слов, прежде чем вы вернетесь к банальному пьянству...

– Ну как-то странно ты выражаешься – господа. Придется ответить...

– Вот! Вот, Полина, видите, с кем приходится выпивать... Кира наклоняется к героине своего сегодняшнего романа,

его качает, и романтический герой чуть не плюхается назад на диван. Удержав равновесие, он продолжает голосом, полным скорби:

– Разве вот эти люди способны оценить благородство душевного порыва? Не все, – Кира обвел туманным взором комнату, – некоторых из здесь находящихся я знаю с хорошей стороны, некоторых пока не имею чести знать близко, – снова многозначительно посмотрел на Полину и покачнулся, – но те, с кем знаком давно, вот эти два брата, например, – ничтожные люди... Я и рад бы сменить круг знакомств...

– ...Но кто ж тебе позволит? – вворачиваю я.

– Не надо, друг мой, – Кира морщится, как будто проглотил какую-то гадость, – не надо! Я хотел сказать, что был бы рад сменить круг знакомств, но кто теперь оценит благородный порыв? И потом, как поет уважаемый мной Борис Борисович, «я точно такой, только хуже, но я говорю, что я вижу...»⁵

– И за козлов придется ответить, – вновь подает голос Малыш.

– Станислав, вы смешны мне своими угрозами! Боже, в какое время мы живем, почему меня угораздило родиться сейчас, а не век назад?

– Позвоните родителям, – вставляет Шурик.

Кира всем корпусом поворачивается к нему:

– Не надо, Александр! Я знаю вас исключительно с поло-

⁵ Строчка из песни «Козлы» группы «Аквариум».

жительной стороны, не уподобляйтесь этим мелким персонажам...

– Ну, дайте же договорить человеку! – улыбаясь, вступает за Кирыча жена брата.

– Спасибо, Лена, вот в тебе я не сомневался! Слушай, как ты живешь с этим чудовищем? Ты же прекрасная девушка...

– Не отвлекайся, Кирилл, продолжай.

– Да, так о чем я? Э-э-э... в прошлом веке я был бы благородным офицером, носил бы эполеты и вызывал таких, как эти двое, на дуэль. А сейчас мне приходится пить с ними водку и довольствоваться их общением. Как измельчал наш мир!

– Кирилл, это вы и хотели сказать? – подает голос Полина.

– Нет, Полина, я хотел сказать, что в этом куцем, душном, убогом мирке наконец-то забрезжил луч света. Этим лучом являетесь вы и ваши подруги, простите, еще не научился вас отличать – очаровательные студентки вуза, обучающего культуре. Culture, бля! Где она наша культура, с кем вы труженики пера и... и...

– Топора? – подсказывает Костик.

– Не надо, Константин, вам как музыканту должно быть стыдно! Нет, друзья мои, творческая интеллигенция измельчала, если к ней относятся вот эти вот люди. И вся надежда только на вас, Полина. Вы прекрасны в своей юности – студенчество, все эти лекции, зачеты и курсовики, учебный план...

– Учебный план – это простой табак, а кто-нибудь, кстати, хочет испробовать плана настоящего? – оживает Костик.

– Наркоманы. Жалкие ничтожные люди, – Кирыча снова качнуло, но на этот раз он не устоял на ногах и плюхнулся рядом с Полиной.

– Не переживайте, Кирилл, я оценила глубину благородства вашей души, – смеясь, произносит Полина.

– Мы тоже – очень проникновенная речь, – Лера салютует рюмкой, к ней присоединяются Лена и двойняшки.

– Спасибо... – не слово, а тяжелый вздох вырывается из уст Кирилла.

– Так как насчет покурить? – Костик достает коробок и вытряхивает «беломорину» из пачки.

– Я присоединяюсь! – тут же откликается Лера.

– Я – пас, – отмахивается Малыш.

– У нас лично «синее» мероприятие, – поддерживает брата Шурик, салютуя рюмкой.

– А ты? – это уже Костик обращается ко мне.

– Ну, давай, – говорю без особого энтузиазма, в надежде сменить тему разговора.

– И я с вами, – вдруг подает голос Лена.

– Любимая, ты что, тоже наркоманить? – удивляется Малыш.

– Что ты, любимый, просто воздухом подышать.

– Смотри, дорогая, чтобы без эксцессов...

– Какие эксцессы, дорогой, исключительно любопытство.

– Возьмите с собой офицера, пусть в прошлый век оку-
нется.

Малыш кивает на Кирыча. Тот оставляет милое щебетан-
ие с Полиной и кривит губы:

– Стас, я реалист: никакая марихуана не даст мне иллюзии
высшего света, если рядом будете вы.

– Зря ты так, – слегка обижается Костик, – у меня хоро-
ший ганджубас: две тяги, и ты уже в эполетах!

– Не сомневаюсь, но предпочитаю видеть реальность та-
кой, какая она есть.

– Ну как хочешь, Кирилл. А мы пойдем на веранду – как
раз все поместимся.

Выходим на веранду, усаживаемся на диван. Костя сме-
шивает табак с травой и забивает папиросу.

– Ты что, действительно покурить решила? – спрашиваю
Лену.

– Нет, просто захотелось сменить обстановку да с то-
бой посплетничать. Кирилл, похоже, не на шутку Полиной
увлекся. Это ваши с Кирой подруги?

– Нет, вот их, – киваю на колдующих над косяком Костю
и Леру. – Они договаривались вместе вчера ехать, но у этих
в городе дела какие-то были. Вот Костя и попросил их при-
хватить по дороге...

– Понятно.

– А Кира просто нашел человека, которого можно загру-
зить. Это у него называется духовное родство.

– А ты духовное родство обнаружил? – улыбнувшись, осведомляется Лера.

– Пока не понял еще. Больно выбор сложный: они такие... похожие.

– Анька с Оксанкой разные, поверь мне, – вставила свое слово Лера.

– Верю, но на первый взгляд это понять трудно.

– Кто следующий? – Костя делает две затяжки и протягивает мне косяк.

Я не большой поклонник марихуаны. Скорее, вообще не поклонник. Курю очень редко и только за компанию. Потому что если всех моих друзей трава веселит, то меня прибивает как-то. А сидеть, нагружаясь накатившей сутью, когда вокруг все ржут, как ненормальные, согласитесь, – прямо-таки какой-то дисбаланс. Да и потом, баловство все это! Ну, разве что вот так, раз в полгода, с друзьями за компанию.

Затягиваюсь. Папироса затрещала-защелкала-засветилась. Задерживаю дыхание, чувствую, как дым опускается вниз, выдыхаю. Ну и хватит – хорошего понемножку.

– Держи, – протягиваю косячок Лере.

– Так что с нашей песней? – спрашивает Костик.

Продолжения музыкальной темы, похоже, не избежать.

– Обычная процедура: сперва мы прогоним ваше творение в своей программе как новинку. Затем я договорюсь с программным, чтобы ее включили в плей-лист. Сложность в том, что не на CD песня...

– А где я компакт-то сделаю? Это больших денег стоит...

– Ну, есть же сейчас возможность на компьютере записать.

– Не по средствам пока, – вздыхает Костя. – Сама болванка, так называемая, приличных денег стоит, да и программу эту еще поискать надо. Хорошо, что хоть на DAT удалось записать.

– Вот поэтому в CD-чейнджер песню и не зарядить. Но программу с компьютера можно останавливать, поэтому лазейку найдем. Еще раз говорю – горячей ротации не обещаю...

– Да это понятно. Нам главное – прозвучать. На других радио вообще ноль по массе. Везде знакомых искать надо. У нас же, как ты говоришь, несовременная музыка.

– Сам, между прочим, виноват: нефиг играть старье всякое. Ты же хороший басист, Костя, вписался бы в какой-нибудь актуальный коллектив, чего хардешник-то рубить. Или если нет желания чужие идеи воплощать, сам бы замутил что-нибудь...

– Да не интересны мне все эти так называемые современности! – взвизгивается Костик. – Стать тысяча первой гранжевой группой для всех этих полуподвальных клубов?

– Можно подумать, с хард-роком ты на стадионах выступаешь. Кто сейчас вообще стадионы-то вытянет? «Алиса» да «ДДТ», и все. Остальным – добро пожаловать в клубы. Между прочим, это хорошо: вспомни, когда мы на концерты про-

лезали, о клубах и речи не было. Все играли полуподпольные сейшены по непонятным площадкам...

– Да я же не против клубов, что ты меня агитируешь, – морщится Костя, – я за разнообразие. Достало это гранжевое засилье. Где право на выбор?

– А что ты понимаешь под правом на выбор, а? Чтобы тебя с твоим позапрошлогодним хард-роком хлебом-солью и водкой-анашой встречали? Это с какого перепуга? Костик, на дворе де-вя-нос-ты-е, понимаешь?! Загляни в «Rolling Stone» и «New Musical Express», там если не гранж, так брит-поп новомодный. Все остальные – сосут, извините, барышники.

– Да ладно, «Nazareth» и «Deep Purple» до сих пор стадионы собирают...

– Где, Костян, где? У нас? Так это потому, что «Nirvana» кончилась, не доехав, а о «Blur» с «Radiohead» у нас знают пока три с половиной человека, включая меня. «Nazareth», блин! Да там они играют в таких же клубах, как и ты, и рады этому до соплей. А здесь для них просто поле непаханое: приезжаешь героем, стадион в каждом городе, сборы. Вот и катаются, как на работу, раз в квартал. Но это все от дефицита музыкальной информации и лени её раздобыть.

– Ладно, мальчики, хватит, – Лера решительно вмешивается в наш спор, опасаясь перехода на личности, и передает мне косячок. – Держи-ка, перекури.

– Спасибо, Лер, мне хватит.

– Лен, ты точно не будешь?

– Точно. Костя, скажи, а чего ты действительно не хочешь вписаться в какую-нибудь подающую надежды группу? Можно же, наверно, в двух коллективах играть?

– Играть-то можно...

Костик перехватывает истлевшую до середины папиросу, делает глубокую затяжку, закрывает глаза и молчит пару секунд. Затем глотает дым, открывает глаза, выдыхает и продолжает:

– Но, во-первых, это действительно отнимает много времени. Репетиции и там, и там, выступления клубные. Потом, если надежды оправдываются, группу забирают в оборот, и начинается плотный чес – все эти туры, записи. Денег, конечно, больше, чем сейчас, но вот он подтвердит – условия кабальные.

Я неопределенно киваю головой, но Косте моя реакция не очень-то интересна:

– Приходится выбирать – или по любви, или за деньги. А поишачив за деньги лет пять, понимаешь, что имели тебя почти за бесплатно. Ну и нахрен это надо? Лучше уж совсем забесплатно, но по любви.

– Ага, любовь как раз русские и придумали, чтобы денег не платить, – вношу я свою ремарку.

– Ты вот тоже мог бы, наверно, сейчас на «Европе Плюс» работать, а не работаешь? И чего?

– Ну, мог бы или не мог – не знаю, – такого поворота бесе-

ды я не ожидал. – Но на нашей радиостанции мне работать, конечно, приятнее...

– Хотя и платят меньше?

– Меньше, но платят. И перспективы есть...

– Какие перспективы? Какие, к псу, перспективы?! Посмотри вокруг – время рока кончилось! Попс и рейвы эти новомодные – вот и все, что сейчас нужно. А мы занимаемся этим, потому что прет нас пока и не заботит ничего. И тебя, и меня. А разговоры о стилях – это все наши внутренние разборки. Тот же гранж, как ты говоришь, популярный во всем мире, много он денег приносит, скажем, Илюхе Черту из «Military Jane»? Намного он богаче меня? Ни-фи-га! Так зачем мне играть этот гребаный гранж, если, занимаясь любимой музыкой, я чувствую себя не хуже того же Черта?

– Правильно! – Лерка затягивается и, скривившись, начинает махать руками. – У-ф-ф... Не в то горло дым попал... Правильно, нефиг изменять себе! Я поэтому с тобой, Костечка. Ты лучший басист в этом городе. Держи, дерни еще.

Она переворачивает папиросу и делает «паровоз», Костя затягивается, пускает дым, и они сливаются в страстном поцелуе. Мы с Леной переглядываемся и синхронно улыбаемся: музыканты – они как дети, честное слово!

– Раз никто больше курить не будет, пяточку мы заначим, – произносит Костик, оторвавшись от Лерки, слюнявит пальцы и гасит окурок «Беломора». – Пошли в компанию?

– Да уж пора, что-то выпали мы из коллектива, – ворчу я,

радуясь окончанию этого спора.

Вернувшись в комнату, я обхожу стол и плюхаюсь на один из диванов. Все, на сегодня мне точно хватит и косяков, и алкоголя. Иначе приберет не по-детски: флажок падает в голове и утром тяжелейшее похмелье. Такое, правда, случается редко, я умею контролировать свою норму. Просто после определенной порции алкоголя – если напиток чистый, а не подлые коктейли – у моего организма есть одно волшебное свойство: залить в него что-то через силу невозможно. Не принимает, и все! Это позволяет мне выживать на всевозможных рокерских пьянках – поймал кураж и отлично, а до беспамятства и лица в салате не доходит. Ну, скажем, почти не доходит. Бывают, конечно, срывы, вот как сейчас. Как будто чувствовал – нахлобучит меня трава. Костика с Леркой вон уже сразу на «хи-хи» пробило, а я на всех словно из-за стекла смотрю.

Малыш добрался до гитары и терзает струны. Когда-то он играл со своими одноклассниками в рок-группе. Группа моего брата пыталась даже вступить в Рок-Клуб, а я присутствовал на прослушивании лет семь назад. (Боже, как бежит время, каким я тогда был молодым, а сейчас мне уже 25, даже представить страшно!) Малыш со товарищи отыграли программу минут на тридцать, мэтры, посоветовавшись, парней не приняли. Помню, после мы все вместе заливали раненую гордость портвейном где-то неподалеку. Проанализировав свое фиаско, друзья моего брата неожиданно об-

наружили, что у их гитариста нет слуха, и уволили его за профнепригодность. Тем самым гитаристом как раз был мой братец. Это, впрочем, не мешает им по-прежнему оставаться друзьями. Как не мешает брату, накатив, брать гитару и пытаться на ней что-нибудь изобразить с важным видом.

Малыш перебирает струны и кивает Кире, который, обнимая Полину, одновременно делится с братцем своей болью:

– Ты представь, Стас, я – белый офицер, эполеты, золотая сабля. Сам – на коне...

– Кирюша, ты на коня-то заберешься? – Малыш говорит, не отрывая глаз от пальцев, зажимающих на грифе гитары аккорды.

– Я?! Ну зачем ты так, Стас, да я, блин, блестящий наездник! И стрелок тоже. Полина, знаете, каков я в седле?

– Пока нет, – Полина чуть отстраняет подвыпившего белого офицера, но только чуть-чуть.

– А я вам покажу! – Кирыч поймал кураж, теперь его никто не остановит. – Я с детства в седле...

– Кира, ты хотя бы на велосипеде кататься умеешь? – Шурик присоединяется к компании.

– Да я вообще с десяти лет за рулем! Я еще на папиной «Волге» рассекал.

– В седле? – это снова Малыш.

– Да! – в горячке выдает Кирилл, а затем его лицо принимает скорбное выражение. – Стас, почему ты хочешь все опозлить? Вот вы все меня не любите...

– Кирюша, ну что ты, я ж тебе как офицер к офицеру.

– Вот-вот! Эх... Как это мелко! И я, потомственный дворянин, вынужден терпеть все это. Теперь вы понимаете меня, Полина?

Полина согласно кивает и гладит Киру по голове.

– Малыш, дай-ка гитару...

Костик справился с очередным приступом хохота и забегает у брата инструмент. Он чуть подкручивает колки, сосредоточенно дергая первые струны. Нафига – все равно сейчас уже никто не в состоянии понять, настроена гитара или нет. Наконец, берется первый аккорд:

– Нет меня дома, и целыми днями
Занят бездельем – играю словами...

Окружающие подхватывают хором:

– Каждое утро жизнь снова начинаю
И ни черта ни в чем не понимаю...

Слышал бы все это Цой! Впрочем, вполне возможно, он и не такое еще исполнение своих песен слышал.

– Я, лишь начнется новый день,
Хожу, отбрасываю тень,
С лицом нахала...

Я тоже когда-то мог сыграть на гитаре эту пенью. И еще других всяких разных с десятков. Даже музицировал у того же Кирыча на квартире. Слава богу, вовремя понял, что нет у меня ни слуха, ни голоса и что рок-звездой мне не стать. Понял, и как-то на душе спокойно стало. С тех пор гитару в руки стараюсь не брать. Хотя тянет иногда, конечно. Особенно, когда выпьешь.

– Начнется вечер, я опять
Отправлюсь спать, чтоб завтра встать.
И все сначала...

Костик, полулежа, откинувшись на кровати, с упоением наигрывает на гитаре. Лера, верная рок-подруга, поддерживает бойфренда и старательно подпевает. Компания пытается расположиться поближе к ним. Те, кто не помнит слов, притопывает и прихлопывает. Малыш с Леной раскачиваются в такт гитарному бою, Шурик приспособил какую-то кастрюлю как там-там и наяривает, не жалея ладоней.

– Я видел вчера новый фильм,
Я вышел из зала таким же, как раньше...

О, БГ пошел. Вот она – чудодейственная сила музыки – и магнетизм человека с гитарой. Вот что делает с людьми настоящее искусство напололам с водкой «Распутин»!

– ...И я читал несколько книг,
Я знаю радость печатного слова.
Но сделай шаг, и вступишь в игру,
В которой нет правил...

Рядом с Полиной – одна из сестер-близняшек, вместе хлопают в ладони, улыбаются. Даже Кирюша отказался от саркастических замечаний и подпекает Косте.

– Время луны – это время луны,
У нас есть шанс, у нас есть шанс,
В котором нет правил...

Никак не могу сосредоточиться, чувствую какой-то дискомфорт: явно кого-то не хватает. Как при замедленной съемке поворачиваю голов – на другом конце дивана вторая сестра, склонившись, потирает ногу. Ага, Оксана.

– Болит?

Свой собственный голос слышу с задержкой секунд в пять. Оксана поднимает голову и кивает, пытаюсь улыбнуться. Улыбка получается вымученной.

– Помочь?

Стараюсь говорить односложно. Выгляжу, наверно, полным дауном. Все-таки не надо было курить.

– А чем тут поможешь? – Оксана морщится, растирая ногу. – Опухоль появляется.

– Не переживай, перелома нет. Иначе бы и дотронуться

не смогла.

– Это, конечно, радует...

На нас никто не обращает внимания, как будто и нет нас в этой комнате. Кирыч отобрал у Костика гитару, и все внимание присутствующих обратилось на него. Костик не обиделся, а просто свернулся калачиком и задремал у Леры на коленях. Настала очередь Киры стать героем рока.

– В каморке, что за актовым залом,
Репетировал школьный ансамбль...

«Чиж» совсем недавно стал властителем дум питерской рок-тусовки, его песни крутятся на радио всего полгода. На нашем, между прочим, «Радио-1» эти песни зазвучали раньше всех. Хотя максимум нашей заслуги – the little help from a friends, не больше. Но все равно приятно.

– Ударник, ритм, соло и бас
И, конечно, «ионика».
Руководитель был учителем пения,
Он умел играть на баяне...

Смотри-ка, мысли связные появились! Отпускает, похоже. Срочно надо на свежий воздух, пока новой волной не накрыло. Снова медленно поворачиваюсь к Оксане:

– Я на улицу. Не желаешь компанию составить?
– Я бы с удовольствием, но нога...

– Я поддержу. Перед домом скамеечка, и там все же посвежее.

– Если поддержишь, тогда пошли.

Медленно поднимаюсь, стараясь контролировать движения. Делаю шаг к двойняшке – удается. Оксана пытается встать, опирается на больную ногу и, охнув, присаживается на подлокотник дивана. Подхватываю ее за локоть, затем перехватываю за талию.

– Давай осторожно...

– Больно, – прикусив губу, почти шепчет Оксана.

Мы тихонько ковыляем мимо стола к выходу. Удивительно, но мне удается идти совсем ровно. Чувство ответственности, что ли, включилось? Бросаю взгляд на честную компанию – компания увлеченно поет. На нас обращают внимание только двое: сестра удивленно вскидывает брови, Полина понимающе улыбается. Остальным до нас нет никакого дела...

– ...Вот такая вот музыка,
Такая, блин, вечная молодость!

На улице легкий ночной ветерок очень кстати. Помогаю Оксане присесть на скамейку, сам распрямляю плечи и делаю несколько глубоких вдохов. Реально отпускает!

– Тяжело?

– А ты как думаешь?

- Думаю, тяжело. Алкоголь с травой не любят друг друга.
- Есть опыт?
- Небольшой...

Смотри, какая опытная! Под ноги бы лучше смотрела. С другой стороны, чего я раздражаюсь: все правильно – не дите малое, должен был предвидеть.

– Сама-то как? Там в домике алкоголь уже в воздухе разливается. Откуда столько водки появилось?

– Твой брат прихватил. А я, как ногу подвернула, почти сразу протрезвела. Сейчас только голова болит – не до веселья.

– Осторожней надо, алкоголь не любит неверных шагов.

Все же не мог не подколоть. Ну а чего она нарывается? Не отвечает – склонилась, ногу массирует. Волосы у нее черные, аж с отливом. Как это... вороненое крыло, воронье? Не люблю блондинок. Натуральные еще туда-сюда, а крашенные... Конечно, есть отдельные барышни, которые... в общем... вполне себе. Но это отдельные и после близкого знакомства. А, в целом, не люблю.

– Как думаешь, долго они еще веселиться будут? – Оксана поднимает на меня глаза.

– Как пойдет. А идет вроде бы хорошо. Я тоже чего-то подсулся. Пойду, гляну, что там у них. Ничего, если оставлю тебя ненадолго?

– Иди. Мне без помощи все равно отсюда не сдвинуться, но здесь лучше, чем в доме.

Не успеваю сделать и трех шагов к крыльцу, как дверь распахивается, и оттуда, покачиваясь и причитая, выскакивает Лера. В руках у нее какой-то сверток.

– Что случилось?

Мой вопрос проигнорирован. Захожу в комнату – все суетятся. Похоже, все дело в Костике: он свесился с кровати, тело содрогается в спазмах. Лена поддерживает Костю за плечи.

– Не интеллигентно это, Константин! Надо было с достоинством выйти на улицу, зайти за угол и блевать там сколько душе угодно...

Кирыч говорит Косте, но обращается почему-то к Полине. Та прикрыла рот рукой: то ли от ужаса, то ли от смеха – не разберешь. Шурик корчится от хохота около шкафа. Только Малыш, стоящий недалеко от Костиной кровати, сохраняет олимпийское спокойствие:

– Тазик ему надо, тазик! Это еще не все, будет продолжение. Лера, тащи тазик с улицы – и убирать меньше придется, и вонять не так будет.

– Шурик, что здесь произошло? – я трясую товарища за плечо, он едва удерживает равновесие.

– Ой, не могу... Ой, блин... Да я нормально, просто... Ну, Костик!

– Да что такое?

– Он, блин, лежал себе спокойно, мы песни пели. И вдруг Костик приподнимается и говорит совершенно внят-

но: «Так, пора проблеваться». Лерка ему: «Подожди, как же, где же, я помогу», а Костик торжественно так: «Это вряд ли, боюсь, не успеешь», и раз – прямо на покрывало... Ой, е-е-е. Вот это рок-н-ролл!

М-да, ситуация накаляется. Костику, похоже, хуже, чем мне. Слава богу, я на воздух вышел. Спасибо полезным свойствам организма.

В комнату вбегает Лера с тазиком и только успевает подсунуть его Косте, как того тошнит второй раз.

– Это он макаронами по-флотски отравился в столовке. Мы целый день по городу мотались, в какую-то тошниловку забежали перекусить, а там эти макароны. Вот он и отравился.

– Дуть не надо было по пьяни, – Лена похоже рассердилась не на шутку. – А теперь на макароны сваливать.

– Это макароны, точно говорю – макароны, – мельтешит Лера.

Костя, не поднимая головы, вытягивает руку и машет в знак несогласия указательным пальцем.

– Фу ты, – брезгливо отстраняется Лена. Костик в ответ выставляет средний палец.

– Да ладно, любимая, бывает с настоящими кабанами такое – праздник есть праздник, – Малыш, покачиваясь, разводит руками. – А ты бы обо мне так заботилась, дорогая?

– Ага, окунула бы в этот тазик головой пару раз, дорогой, – отвечает Лена.

– Ну, это ты зря, – Малыш присаживается перед свесившимся над тазиком Костей, с минуту рассматривает его, потом поднимается и с серьезным видом произносит. – А плохой из тебя краснофлотец, Костик! Макароны ты ни хрена не пережевываешь...

– Пищеварение, наверно, слабое. Музыкант – тонкая личность! – рассудительно замечает Кира.

– Ой, бя... – Шурик заходится в новом приступе смеха, завалившись на диван.

Нет, это уже панк-рок какой-то! Так и самого стошнит, глядя на все это. Я снова выхожу на улицу.

– Что там случилось? – встревоженно спрашивает Оксана.

– Долго рассказывать. Да и не очень приятно. Только возвращаться туда, похоже, не стоит.

Из дома снова выскакивает Лера, на этот раз с тазиком.

– Понятно, – догадалась Оксана.

Из раскрытой двери опять полилась песня:

– Границы ключ переломлен пополам,
А наш дедушка Ленин совсем иссох...

Дачный праздник входит в прежнее русло. Мне, однако, там уже делать нечего.

– А где же мне спать лечь? Я очень устала.

Оксана действительно выглядит измученной.

– Можно на веранде, там нет никого...

– Да они так поют, что во всем садоводстве, наверно, слышно. И потом вы курили там...

Я захожу на веранду. Не так уж сильно здесь накурено! Подумаешь, один косячок. Но вот слышимость действительно превосходная, с этим народным ансамблем точно не уснешь.

– ...И все идет по плану, о-о-о,
Все идет по плану...

Вот уж воистину пророческие слова! Выхожу к Оксане.

– Да, заснуть там не получится при всем желании.

– И что мне делать?

– Не знаю... Пошли к нам, другого выхода нет.

– Так у меня белье постельное здесь остается.

– Белье не проблема, у меня есть запасной комплект. А вот дойти ты сможешь?

– Не знаю. Нога болит, – Оксана морщится.

– Вариантов немного: здесь тебе все равно или на улице, или на веранде часа три тусоваться, пока все не успокоится. И это минимум – я их знаю.

Оксана пытается подняться, ойкает и снова присаживается. Из глаз потекли слезы.

– ...А при коммунизме все будет заебись,
Он наступит скоро, надо только ждать.
Там все будет бесплатно. Там все будет в кайф...

– ревёт комната.

Лера нетвердой походкой возвращается в домик. Я оста-
навливаю её:

– Лер, у Оксаны нога разболелась. Она устала, а у вас тут
не уснешь. Я помогу ей до нашего дома дойти...

– Конечно. Я передам Ане, не волнуйтесь. Костик правда
макаронами отравился... Не ел целый день, а тут... Он же
крепкий, ты знаешь. Это все макароны.

Меня передернуло.

– Ладно, ладно. Я тоже не вернусь – не хочется, как Ко-
стик... отравиться. Думаю, нашего исчезновения никто и не
заметит. Веселья у вас и так хватает.

– Да не вопрос, я же все понимаю, – Лера бросает взгляд
из-за моего плеча на Оксану, потом на меня и едва сдержи-
вает двусмысленную улыбку. Но мне уже пофигу.

– Отлично, тогда до завтра.

– Спокойной ночи, Оксанка.

– Пока, удачно закончить веселье, Лер...

– ...Я проснулся среди ночи и понял, что

Все идет по плану, у-у-у,

Все идет по плану...

Дверь закрывается, песня превратилась в какой-то гром-
кий неясный гул.

– Ну что, пошли?

– Пойдем, только очень осторожно.

Оксана снова приподнимается с опаской.

Я подхватываю ее за талию и делаю первый осторожный шаг. Оксана смешно прыгает на здоровой ноге, потом ступает на больную ногу, морщится и закусывает губу. Еще один шаг, еще – та же история. Мы отошли от Костиного дома метров на пять.

– М-да, так мы и к утру не дойдем...

– Ладно, не мучайся. Давай я останусь на скамейке и подожду окончания веселья. Закончат же они часам к пяти!

– Это вряд ли, часов до семи проколбасятся.

– Значит, просижу до семи...

Оксана понуро опускает голову, всхлипывает и садится на землю. Только этого мне не хватало: пригласил девушку на дачу, а вместо веселья – слезы. Хотя, допустим, я лично никого не приглашал. Те, кто пригласил, сейчас вполне себе веселятся. А я вот в роли медбрата. Невыгодная диспозиция, очень невыгодная. Смотрю на Оксану сверху вниз. Она снова всхлипывает и усиленно растирает ногу.

– Ну вот что... – я наклоняюсь, подхватываю близняшку под мышку одной рукой, под колени другой и поднимаю на руки. – Раз сама с поля боя выйти не можешь, придется выносить.

– Ты что, тяжело ведь!

– Не напрашивайся на комплимент. Лучше обхвати меня рукой за шею, так легче будет.

– Далеко же нести, устанешь.

– Когда устану, поставлю тебя и передохну, надоест – брошу в чей-нибудь огород.

Оксана поднимает глаза и улыбается сквозь слезы. Вот! Вот что так зацепило меня там, на дорожке к Костиному дому: не только улыбка, но и эти глаза! Какие они синие, большие и... красивые. У этой девоньки неотразимое оружие. И она наверняка уже знает об этом. Я чуть встряхиваю ее на руках, чтобы избавиться от морока – так, чего доброго, оступлюсь в темноте, кто тогда нас обоих понесет? То ли Оксана поняла, то ли слишком устала, уткнувшись в мое плечо, она покрепче обхватывает меня за шею и уже не смотрит на меня.

До моего домика мы добираемся очень быстро, без единой передышки. Я вовсе не «культурист в трусах зеленых», как поет великий поэт-песенник конца XX-го века Александр Лаэртский, но и Оксана оказывается не самой тяжелой ношей. Или мне так казалось? Усаживаю ее на скамейке возле дома, открываю дверь, прохожу в первую комнату. (У меня, между прочим, на фазенде целых две комнаты! А еще веранда и кухня. Как они уместились в этой халупе, ума не приложу.) Разбираю кровать, достаю из шкафа белье, перестилаю, кладу на подушку свою чистую футболку. Потом возвращаюсь к Оксане.

– Не замерзла?

– Зябко, – жалуется она.

– Давай-ка – последний рывок, – подхватываю ее, заносу в дом и усаживаю на кровать.

– Значит так: ты переодевайся – вот футболка – и забирайся под одеяло. Я пока у себя в комнате разберусь и Кириухе ложе приготовлю. На тот случай, если он сумеет добратся, в чем я сильно сомневаюсь.

Оксана снова с улыбкой смотрит на меня. Вот так и пропадают героини большого секса, многого и не надо! Чтобы отвлечься, говорю:

– Ладно, действуй! Чая горячего хочешь?

– Нет, спасибо.

– Ну и славно. А как уляжешься, я тебе йодную сетку на ступню сделаю. Это поможет опухоль снять. Перембинтую туго, бинт вроде бы был где-то в домашней аптечке. Затем шерстяные носки и спать!

– Спасибо.

Выхожу в другую комнату и начинаю разбирать себе кровать. Голова словно полая внутри: стукни по ней – загудит, как колокол. Но все равно в какой-то момент накрывает мысль: а какого хрена я тут, собственно, суечусь? Кровать там большая – для меня место точно найдется. И всякую усталость как рукой снимет, проверено! Вспоминается двусмысленный взгляд Лерки, и сразу же – глаза и улыбка Оксаны. Не-е-е-т, товарищи, это реальное попадалово, нафиг-нафиг! Нарочито не суежусь, готовлю свою постель, затем раскладываю диван для Киры. Приоткрываю дверь в соседнюю

комнату:

– Как там у тебя дела?

– Все в порядке, я легла. Это что – перина?

– Да, бабушкина.

Я залезаю в ящик трюмо, где лежит аптечка, беру вату, йод и бинт.

– Никогда не спала на перине. Просто утонула. Красота!

– Мечта Обломова. Как футболка?

– Как платье. Демонстрировать не буду, извини.

– И не надо, не до демонстраций. Лучше покажи больную ногу...

– А это обязательно? – Оксана мнется.

– Желательно. Если хочешь, чтобы завтра было легче.

Вздыхает, но высвобождает из-под одеяла ногу. Я так и присвистнул: ступня действительно сильно распухла. Присев на край кровати, аккуратно опускаю ее ногу себе на колено и легонько провожу с двух сторон ладонями. Оксана дергается.

– Где больно?

– С боку, около косточки.

– Пошевели пальцами. Не больно?

– Нет. Ты, что, ко всему прочему еще и доктор?

– Только учусь. Вот на таких, как ты.

– И часто?

– Что часто?

– Учишься часто на таких, как я?

– Если честно, ты первый подопытный кролик. До этого как собака – на себе.

Я беру со стола коробок спичек, вынимаю одну, накручиваю на нее вату. Получившийся тампон смачиваю йодом и начинаю чертить на Оксаниной ступне сетку. Она хихикает.

– Ты чего?

– Холодно. И щекотно. Так ты еще и художник?

– Нет, просто в крестики-нолики люблю играть.

– На моей ступне?

– На твоей ступне особенно в кайф.

Оксана смутилась. Черт знает отчего, но я смущаюсь тоже. Возникает неловкая пауза, и, чтобы как-то ее сгладить, я рассказываю:

– Меня этому мама научила. Йод помогает рассосаться синякам и всяким опухолям. Говоря языком медицинским – гематомам.

– Будем надеяться... – грустно вздыхает Оксана.

– Не переживай, сейчас еще тугую повязку наложу, и к утру все должно пройти.

– Хорошо бы. А то приеду из загородной поездки инвалидом.

– Вылечим, не бойсь!

Я тем временем убираю йод, распечатываю бинт и приступаю к перевязке. Стоит чуть туже затянуть первый виток, как Оксана издает стон.

– Потерпи, Оксан, что ж делать, будет немного больно...

– Угу, – цедит она сквозь зубы и отворачивается.

Все оставшуюся процедуру я совершаю в полном молчании. Оксана лишь временами подергивает ногой, когда бинт слишком перетягивает ступню, я тут же слегка ослабляю виток. Повязка наложена, я принес шерстяные носки и натягиваю один ей на ногу.

– Давай вторую, пусть ноги в тепле будут.

Она, ни говоря не слова, высвобождает из-под одеяла другую ногу.

– Ну, вот и все. Теперь спать.

– Спасибо тебе, – говорит Оксана, приподнявшись на локте. Ну что ты будешь делать – снова слезы.

– Да брось ты, не за что.

– Есть за что. Спокойной ночи, – и отворачивается к стене.

Я сижу еще минуты две на краю ее постели. Как будто в трансе – просто сижу, смотрю на нее, и все. Потом, как зомби, поднимаюсь, подхожу к двери своей комнаты, кладу руку на выключатель.

– Спокойной ночи.

Щелкаю кнопкой, выхожу и плотно прикрываю дверь.

Я всегда рано просыпаюсь с похмелья. Вот и сейчас: еще семь утра, а сна ни в одном глазу. Не могу сказать, что плохо, но так... тревожно как-то. Легкая утренняя измена. Когда понимаю, что не заснуть, выползаю из-под одеяла, натягиваю джинсы и футболку, влезая в сандалии. Надо бы проверить обстановку на ферме. Похоже, Кирыч все же добрался-та-

ки до дома – диван напротив занят.

– Подъем, алкоголик! Каковы результаты вчерашнего продолжения банкета? Пришли с Полиной к единству?

Я трясусь героя-любовника за плечо:

– Давай-давай, просыпайся, нечего было вчера шашкой махать!

После недолгих сопротивлений ко мне поворачивается... Полина.

– Который час? – спрашивает, протирая глаза.

– Восьмой уже, – говорю, совершенно обалдевший. – А-а... где Кирюша?

– У Леры с Костей на веранде остался. Мы вышли туда поболтать, потом я отлучилась на минутку, а когда вернулась, его уже было не разбудить.

– Как же ты мой дом нашла?

– Меня Стас с Леной проводили. Слушай, можно я еще посплю? Мы только полтора часа назад разошлись...

– Конечно-конечно, извини.

– Спасибо, – Полина снова отворачивается к стене.

Вот ведь как бывает! А с мероприятием почти как я и говорил. Всего на полчаса ошибся. Знаю я свою дачную мафию.

Выхожу в соседнюю комнату. Оксана спит, закутавшись в одеяло, даже головы не видно. Значит, сестренка осталась у Костика. Стараясь не шуметь, перебираюсь на кухню, ставлю на огонь чайник. Придется коротать время на веранде с

книжкой – раньше двух часов дня все равно никто не оклемается.

Мои предположения верны: успеваю выпить три чашки кофе и прочитать половину «В дороге» Керуака, когда в дверях, потягиваясь, появляется Полина.

– Сколько времени?

– Половина второго.

– Ты так и не ложился?

– Как видишь. Дурацкая привычка: просыпаюсь рано с бо-дуна, и уже не уснуть. Тебе как спалось?

– Знаешь, отлично. Я думала, в темноте белье стелить придется, а прихожу, и все готово.

– Это для Кирилла было все готово, – улыбаюсь я. – Но он так и не дошел...

– Мне очень жаль, но вчера это было нереально.

– Ладно, все нормально. Чай, кофе?

– Пожалуй, чашечку чая...

– Легко!

Достаю заварку, ополаскиваю чайник кипятком, засыпаю в него четыре ложки – не люблю прозрачный чай – заливаю кипятком и накрываю чайник полотенцем.

– Подождешь минут пять?

– Без проблем! Оксанка еще не просыпалась?

– Ты знаешь, я не подходил – боялся разбудить.

– Как вы дошли вчера? Она сразу заснула?

– Она сильно ногу подвернула. Я ее нес до дома.

– Да ты что? Как романтично!

– Не очень-то, она ступить не могла. Я сделал йодную сетку, чтобы опухоль спала, и тугую повязку наложил...

– Так ты не только взрыватель и ди-джей, ты еще и доктор?

Повезло Оксанке!

Докопались они с этим доктором! Ну что за фигня, опять я смущаюсь. Чтобы как-то скрыть это, склоняюсь над чайником.

– Чай готов. Тебе полную чашку наливать?

– Ага, если можно...

– Можно, почему нет... А насчет того, повезло Оксане или нет, сегодня узнаем. Нога пройдет, тогда можно будет...

– Повезло в любом случае, – безапелляционно заявляет Полина и сразу же меняет тему. – Слушай, у тебя что-нибудь съесть можно? Очень хочется есть...

– Бутерброды с сыром и паштетом гусиным подойдут?

Пряники еще какие-то...

– Угу, отлично!

– Подожди тогда...

Пока я варганю для Полинки бутрики, подтягиваются Малыши. Брат выглядит помятым, но держится молодцом. Лена всячески его подкалывает:

– Боец! Проснулись сегодня около двенадцати, он спрашивает: «Что, гости уже разошлись?»

– Да ладно, любимая, начинали-то мы у нас, это я точно помню! – Малыш достает из принесенного пакета банку пи-

ва, открывает и делает большой глоток.

– Хорошо хоть это помнишь! А ночью предлагал к местному барыге за водкой сходить для продолжения...

– И чего, не ходили?

– Да ты еле до дома дошел – продолжение... С Шуриком никак не мог расстаться: полчаса обнимались около его дома, слова друг другу нежные шептали...

– Серьезно? Ну, Шура – правильный чел, я к нему давно присматриваюсь, с детства.

– Присматривается он! Вчера ни пить, ни рисовать оба были.

– Бывает такое с настоящими кабанами, дорогая...

– Кабаны, ага! Костя вот тоже вчера нарезался, кабан, устроил праздник Лерке.

– А что такое?

– Тазик пугал вниз головой...

– Не надо, Лен, – я морщусь. – У нас тут чай...

– Извини, – Лена не может сдержать улыбку.

– Что ты говоришь?! – Малыш даже оторвался от пива. –

Надо же какая неприятность!

– Вот-вот. Думаю, раньше пяти он не проснется. Да и Шурик тоже.

– Хочешь пивка, брат? – Малыш протягивает мне непечатую банку.

– Спасибо, Малыш, я не похмеляюсь.

– Зря. Это же просто организм поправить. А где офицер-

ский состав?

– У Костика остался. Не дошел.

– Вот тебе и на! Оставил такую очаровательную барышню, – братец, приложив руку к груди, отвешивает Полине поклон головой. – Такое вот у нас теперь дворянство...

– Так мы вчера провожали Полину до дома, не помнишь что ли? – Лена удивленно смотрит на Малыша.

– Мы провожали?! Помню, конечно, я же трезвый был. Только почему мы отщепенца этого не провожали?

– Вон он, легок на помине, – я через окно указываю на дорожку к дому.

Первой идет Аня. На плечах у нее с обеих сторон висит по сумке – своя и сестры. Сзади плетется Кирилл.

– Всем добрый день!

Аня переделалась, выглядит свежей и отдохнувшей. По моему, если брать в расчет грудь, то я неправильно сориентировался. «А что, все-таки уже сориентировался?» – мелькнула мысль. Я быстро перевожу взгляд с близняшки на старинного приятеля.

– Здравсте, – бурчит Кира при входе и плюхается на стул.

Вот он явно далеко не в лучшей форме: волосы включены, бородатые щеки кажутся впалыми, отчего-то постоянно поправляет очки.

– Белогвардеец! – Малыш искренне обрадовался возможному компаньону. – Давай пивка – поправить здоровье!

– Стас, ну о чем ты говоришь, мне за руль скоро, а голова

трещит...

Кира делает страдальческую мину.

– Э-э-э, настоящие деникинцы так не поступают! Вчера в эполетах шашкой золотой махал, а сегодня... барышню вот оставил. Стыдно сказать, есаул – заснул он!

– Я не в претензии, – машет рукой Полина.

– Спасибо, Полина, в вашем великодушии я как раз не сомневался, – смог выдать из себя Кирюша. – Слушайте, можно я прилягу еще на пару часиков, а?

– Давай в дальней комнате. Я тебе на диване стелил, но там Полина спала. Не меняй ничего – немного эротических переживаний тебе не помешает.

– Посмотри на меня: где сейчас я и где эротика?

– Скоро будет совсем рядом – давай ложись.

– Как Оксанка? – спрашивает Аня после ухода Кирилла.

– Не просыпалась еще, – отвечает Полина.

– Пойду, посмотрю.

Аня выходит в соседнюю комнату, Полина вслед за ней. Лена, сделав себе кофе, присаживается на диванчик рядом с Малышом и говорит мне загадочно:

– Ты так быстро и незаметно свалил вчера...

– Если бы остался, пришлось говорить, как Костик, что макаронами отравился.

– А вчера были макароны? – Малыш снова оживился.

– Это только у Костика были, слава богу. Тебе повезло, – с иронией говорит Лена и дает братцу легкий подзатыльник. –

А твой старший брат девушку с собой увел.

– Да ты что?! И как успехи? – живо интересуется Малыш.

– Видишь, до сих пор проснуться не может.

Вступать в этот разговор мне совершенно не хочется. Чем ради что-то объяснять? И настроение не то, и состояние.

Оттянулись на даче, блин! Выручает появление Полины:

– У вас градусник есть?

– А что случилось?

– Похоже, у Оксанки жар.

– Пойдем посмотрим.

Захожу в комнату, оставив Малышей на веранде. Полина пропускает меня вперед, а сама останавливается в дверях. Аня сидит у изголовья кровати сестры. Оксана уже проснулась, но вид у нее болезненный.

– Знаешь, вялость такая, а еще знобит меня, никак не могу согреться...

– Нога болит? – Аня явно взволнована. – Ты хоть шевелить ею можешь?

– Да вроде бы могу. Там повязка...

Оксана замечает меня и слабо машет рукой. Я киваю. Аня откидывает одеяло и осматривает ногу:

– Так сложно сказать что-то...

– Дайте посмотрю, – предлагаю я, – сам забинтовывал вчера, когда опухоль появилась, мне есть с чем сравнивать.

– Ну, давай...

Аня уступает мне место. По сравнению со вчерашним ве-

чером опухоль значительно уменьшилась, но все равно оставалась. Я чуть сжимаю ступню, Оксана охает.

– У нее температура, похоже, высокая. Видимо, из-за ноги... – Аня положила сестре ладонь на лоб. – И испарина...

– Я сейчас принесу градусник, измерим температуру. Лучше еще раз ногу перевязать.

– Хорошо, я займусь перевязкой.

Во второй комнате, покопавшись в аптечке, нахожу градусник, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Кириюху. Пусть отсыпается, ему нас вечером домой везти.

Возвращаюсь в комнату к девчонкам. Аня уже закончила перевязку, Оксана берет у меня градусник. Выглядит она измученной. Заглянула Лена:

– У нас дома есть жаропонижающее. Я сейчас принесу.

Пока нет таблеток, Оксана меряет температуру – 39,2. В результате, посоветовавшись, даем Оксане пару пилюль, заставляем выпить горячий чай, укрываем еще одним одеялом и оставляем спать.

Настроение у всех портится. Мы вяло переговариваемся, пытаемся шутить – все напрасно. Малыши, посидев еще немного, сваливают под каким-то благовидным предлогом. Шурик и Костя с Леркой так и не объявляются.

Кира просыпается к шести часам, и мы сразу начинаем собираться в город. Сестер надо отвезти на Гражданку, Полинка твердо намерена остаться у них:

– Вместе выехали, вместе и с родителями вашими объяс-

няться.

Кирыч попил чайку, и мы упаковываем в машину все необходимое. Пора будить Оксану. Таблетки сделали свое дело: температура опустилась до 38, хотя это, в общем, тоже мало радует. Оксанка переодевается с помощью сестры и Полинки, с трудом ковыляет к машине и устраивается на заднем сидении. Я выдаю ей шерстяное одеяло из дачных запасов, она укрывается и сразу же снова засыпает.

Всю дорогу обратно едем, почти не разговаривая. Киру еще не отпустил окончательно бодун, и он сильно переживает, что нарвется на гаишников. Оксана дремлет, Аня с беспокойством посматривает за сестрой. Мы с Полиной время от времени перебрасываемся парой фраз, и все.

Подруливаем к дому близняшек, и я вызываюсь помочь проводить.

– Не стоит, – останавливает Оксана. – Хожу я уже лучше, чем вчера. За что тебе, кстати, спасибо. Простите, что испортила выходные...

– Да ладно – всем впору друг у друга прощения просить, – с досадой бросаю я.

– Знать бы, что все так неказисто выйдет... – поддерживает меня Кира.

– Бросьте, мальчики, все нормально, – успокаивает нас Полина. – Увидимся еще. Пока!

И они с Аней, подхватив с двух сторон Оксану, заходят в подъезд.

– Отличный уикенд, я бы сказал, просто охуительный! – доставая сигарету и прикуривая, резюмирует Кира. – А так хотелось праздника...

– ...Получилось, как всегда, – суровые будни, – заканчиваю его мысль. – Поехали.

– Ты хотя бы телефоны их записал? Хорошие же девушки! Я бы еще с Полиной...

– Ну, у тебя был шанс, – осекаю я приятеля.

– Был, это верно... Так что насчет телефонов?

– Да когда было записывать-то? Видишь, кутерьма какая!

– Эх...

– Ладно, найдем после через Костика.